

НАРОДНОЕ ХРИСТИАНСТВО АРМЕНИИ

ПРОЖИВАЕМАЯ РЕЛИГИЯ ПОЧИТАТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ СУРБОВ В АРМЕНИИ

Н.В. Крюкова

Наталья Владиславовна Крюкова | <http://orcid.org/0000-0001-5247-1822> | nkryu@mail.ru | младший научный сотрудник отдела Кавказа | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

проживаемая религия, сурб, тан сурб, Армения, сельский, святилище, святыня, вернакулярный, народный, христианство

Аннотация

В статье на основе подходов проживаемой религии (*lived religion*) анализируются представления и практики почитателей сельских сурбов в Армении. Сурб означает “святой”, “священный”, “божественный”, это святой и место почитания. Сурбом может быть книга, хачкар, церковь, дерево, изображение и т.д. — любой объект, считающийся святым. Для повседневной религии почитателей сельских сурбов характерны особые взаимоотношения верующих со священным и божественной силой святых. Люди воспринимают силу сурба как реальную и эффективную и испытывают на себе ее влияние каждый день. Ритуальные практики в святилищах рассматриваются как способ воздействия на божественную силу для удовлетворения определенных потребностей и выполнения некоторых задач. Верующим также важен физический контакт со святыней. Представления и практики почитателей сельских святынь не одобряются Армянской апостольской церковью. В Армении наряду с официальной канонической существует вернакулярная устная религиозная традиция.

Информация о финансовой поддержке

РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05004 Арм_а.

В 2021 г. в Армении прошел седьмой этап социологического проекта “Мировое исследование ценностей” (“World Values Survey [2017–2022], Wave 7”). На вопрос “Насколько важен Бог в вашей жизни?” 77,9% опрошенных армян ответили “очень важен”, 93,5% — сообщили, что верят в Бога, 89,3% — что считают религию “очень важной” и “скорее важной” в своей жизни, а религиозным человеком себя назвали 81,5% армян. К Армянской апостольской церкви (далее — ААЦ) себя относят 89,8%, а доверяет церкви 71,0% опрошенных. Молятся несколько раз в день 31,5% армян, один раз в день еще 22,7%, раз в неделю — 17,5% (WVS 2017–2022: 131, 453, 455). Согласно этим данным, регулярно молятся¹ 71,7%, при этом религиозные службы посещают чаще одного раза в не-

Статья поступила 13.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 03.05.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Крюкова Н.В. Проживаемая религия почитателей сельских сурбов в Армении // Этнографическое обозрение. 2024. № 1. С. 77–92. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010041> EDN: YHBSLL
Kryukova, N.V. 2024. Prozhivaemaia religiia pochitatelei sel'skikh surbov v Armenii [Lived Religion of the Devotees of Rural Surbs in Armenia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 77–92. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010041> EDN: YHBSLL

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

делю 2,5%, раз в неделю — 9,1%, раз в месяц — 15,3%, раз в год — 7,2%, реже раза в год — 14,7% опрошенных, только по специальным праздничным дням — 21,7%, никогда и почти никогда — 29,2% (Ibid.: 23, 53–55, 98).

В настоящее время в Армении возрождаются старые и активно отстраиваются новые храмы не только в городах, но и в сельской местности. В большинстве сел, в которых проходила моя полевая работа, есть действующие церкви, иногда даже несколько. К примеру, в с. Лусагюх Апаранского р-на — их две: небольшая церковь VII в. Сурб Тух Манук (Святого Тух Манука), расположенная над селом в труднодоступном месте, где литургия проводится раз в год весной, и постоянно функционирующая церковь Сурб Мариам Аствацацин (Святой Марии Богородицы) в центре села — в дни главных церковных праздников приезжий священник здесь служит литургию.

Проживая в сельской местности, я заметила, что местные жители церковь посещают нечасто, при том что все до одного опрошенные характеризовали себя как людей верующих. Несмотря на декларируемую всеми религиозность и единодушную принадлежность к ААЦ, в селах нет ни приходской жизни, ни религиозной общины, ни общинного духа. Многие информанты, особенно мужчины, сообщают, что литургию они не посещают и не причащаются, в церковь ходят редко или не ходят вообще. Религиозность сельских жителей реализуется в иных, внецерковных формах. Повседневная духовная жизнь носит не общинный, а семейный и индивидуальный характер, ее средоточием являются сельские святыни — *сурбы*. Сурбами сельчане называют все святые места: общинные святилища, домашние реликварии, почитаемые природные объекты, а также некоторые церкви. Обустройство, посещение сурбов и паломничество к ним — вернакулярная религиозная традиция в некоторых сельских областях Армении.

Сурб в переводе с армянского означает “святой”, “священный”, “божественный”. Вслед за моими информантами я использую слово “сурб” как синоним святого места, святилища и как обозначение святой личности. Эмное понятие “сурб” представляется наиболее адекватным для отображения описываемого комплексного явления религиозной жизни, поскольку определения “святилище”, “реликвия”, “святыня”, “святой” отражают лишь отдельные его аспекты².

Сурб-святой имеет определенную материальную форму. Это отличает данный культ от традиционного христианского, когда предметы ассоциируются со святыми и именно потому воспринимаются верующими как носители святости и божественной благодати. Сурбом может быть любой объект, который местные жители почитают как святого. Чаще всего это руины церкви или монастыря, *хачкар*³ или его части, книга, камень, родник, дерево, пещера, какое-либо изображение. Интересно, что при утрате сурбом своей материальной формы, локус, где происходит его почитание, не перестает оставаться сакральным — он продолжает быть местом паломничества и поклонения. Святилищем может быть и действующая церковь. В изучаемой области Армении подобные святыни встречаются почти повсеместно. Большинство сельских сурбов почитается жителями конкретного села, но некоторые становятся объектами паломничества людей со всей округи или даже из других частей страны.

Наиболее распространенный тип деревенских сурбов — *тан сурб* (букв. “святой дома”) — святыни, принадлежащие конкретным семьям и тесно связанные с их историей. Повествования об обретении тан сурбов обычно связаны с сю-

жетом спасения предками культовых предметов (книг, крестов, *шунт*-покровцов) от уничтожения в XIX и начале XX в. Если в семье есть старинная книга, она почти со стопроцентной вероятностью будет “святым дома”. Чаще всего это Евангелие (Аветаран) и “Книга скорбных песнопений” Григора Нарекаци.

К сурбам-святым принято обращаться по имени: Сурб Карапет, Сурб Саркис, Сурб Нарек, Сурб Аветаран. Локус почитания святого носит его имя. К примеру, в тан сурбе в домохозяйстве информантки К. в с. Лусагюх книга-святой Сурб Нарек утрачена, но святилище продолжает активно функционировать под именем Сурб Нарек. Внутри села сурбы расположены в жилых комнатах домов, в пристройках, в *матурах* или в хозяйственных помещениях, например в *тонратуне* или рядом с хлевом.

По кругу почитателей сурбы можно разделить на несколько классов. В первый входят общинные сурбы, расположенные внутри села и его строений, а также домашние реликварии – тан сурбы. Во второй – локальные, те, что почитаются жителями не только одного села, но и всей округи; сюда можно причислить, к примеру, упомянутую выше церковь Сурб Тух Манук в с. Лусагюх Апаранского р-на. К третьему классу можно отнести популярные общеармянские святилища, поклоняются которым жители различных регионов Армении. Все эти святилища, как правило, обустроены верующими на собственные средства, они находятся в общем сакральном поле и различаются лишь степенью своего могущества и способностью исполнять заветные желания – *мураз*. Для всех святилищ характерны общие ритуалы и практики почитания, включающие частые посещения и молитвы, подношение подарков святому, символические и прямые жертвоприношения.

Цель данного исследования: на основе подходов проживаемой религии описать и проанализировать представления и практики почитателей сельских сурбов в Армении.

Источники. Источниковой базой исследования послужил материал, собранный в ходе серии полевых выездов 2015–2022 гг. в села Апаранского района Арагацотнского марза, а также в Гегхаркуникский и Лорийский марзы. В настоящей публикации использованы: описания 21 сурба, глубинные интервью с хозяевами и почитателями сельских святынь, данные включенного наблюдения.

Теоретическая рамка исследования. Концепция проживаемой религии (*la religion vécue/lived religion*) в международный оборот введена американскими исследователями (*Orsi* 1985, 2010; *Hall* 1997; *Ammertman* 2007, 2021). Концепция предлагает рассмотреть, как переживают, точнее “проживают”, религию конкретные индивиды и сообщества. “Проживаемая религия” прежде всего отсылает к практике. Под практиками понимают не только канонически прописанные обряды и ритуалы, но и реально совершаемые в качестве обрядов и ритуалов действия. Исследователи, разделяющие концепцию “проживаемой религии”, включают в категорию “практики” любые действия, даже если они напрямую не связаны с религиозными обрядами, но каким-либо образом соотносятся с религиозными смыслами. Практики рассматриваются в динамическом аспекте, как постоянный процесс переосмысления и корректирования канонических религиозных форм.

Исследование проживаемой религии предлагает подумать о религии как о постоянно меняющейся, часто беспорядочной и даже противоречивой смеси верований и практик, которые религиозные институты зачастую не считают

важными. Подход проживаемой религии отличается от нормативных религиозно-ведческих подходов, предполагающих, что люди, исповедующие одну религию, не воспринимают другие религиозные конфессии. В рамках этого подхода переосмысливается само понятие религиозной нормы: норма, чистота, аутентичность рассматриваются как социально сконструированные категории, как символический капитал, за право обладать которым соперничают индивиды и группы.

Поскольку повседневная религия основана в большей степени на религиозных *практиках*, чем на религиозных *идеях* и *верованиях*, она не обязательно должна быть логически последовательной — главное, что она практически согласована. Эта практическая согласованность объясняет суждения, которые лежат в основе многих индивидуальных и народных религий, которые в противном случае могли бы восприниматься как иррациональные или просто как набор суеверий. При рассмотрении всех аспектов проживаемой религии можно увидеть, что она редко напоминает последовательные и теологически выстроенные модели, которые пропагандируют официальные религиозные институции. “Проживаемая религия” говорит о том, что религия не является ни фиксированной, ни унитарной, ни даже конкретной, а религиозные практики людей, с помощью которых они придают смысл своей жизни, оказываются изменчивыми и адаптивными.

Основной упор в данном подходе делается на то, что религия и духовность практикуются, переживаются и выражаются обычными людьми в контексте их повседневной жизни. Термин “проживаемая/переживаемая религия” полезен для того, чтобы отличать фактический опыт религиозных людей от *предписанной религии* с ее институционально определенными верованиями и практиками. Проживаемая религия описывает субъективно обосновываемый и творчески переживаемый опыт самовыражения. При этом “живая религия” не просто субъективна — люди вместе конструируют свои религиозные миры, делясь собственным опытом и формируя intersubъективную реальность. “Проживаемая религия” не исключает из своего исследовательского фокуса официальные религии. Люди используют как неофициальные, так и официальные религиозные традиции в качестве возможных ресурсов и элементов своей личной практики.

Антропологи, использующие данный подход, особый акцент делают на телесном опыте — опыте физического контакта с сакральным, а также на материальных манифестациях и концептуализациях сакрального (McGuire 2008; Morgan 2009), значительное внимание уделяется чувственным и телесно воплощенным переживаниям религиозного. Для многих людей их обыденный мир в основном зависит от воплощенных (*embodied*) практик, благодаря которым священное становится реальным и присутствует в их жизни через переживающее тело.

Дисциплинарный фокус социологии и антропологии предыдущих поколений исследователей был направлен на то, во что люди верят, что они утверждают и что они думают, и базировался на теологических идеях эпохи Реформации, отдающих предпочтение *вере* перед *практикой* (Asad 1993). Для переориентации исследовательских и методологических стратегий авторы, работающие в рамках проживаемой религии, предлагают начать с попытки прояснить природу религии и набожности в Европе до периода Реформации. М. Магуайр ставит на рассмотрение блок тем, которые особенно важны для понимания того, что то, что современные ученые считают определяющим для настоящей религии и религиозного действия, само по себе является социальной конструкцией, результатом борьбы за культурные ресурсы и власть:

1. Местоположение священного. Где находится священное и как люди с ним соприкасаются? Является ли священное неотъемлемой частью повседневного пространства, времени и социальных отношений, или оно радикально отличается от “профанного” мира повседневной жизни? Какими практиками занимаются люди, чтобы соединиться со священным?

2. Природа божественной силы. Как божественная сила проявляется в мире? Регулярно ли она “проявляется” в чудесах, меняя жизни отдельных людей и влияя на ход событий? Передается ли божественная сила через человеческие действия и реагирует ли она на магические ритуалы?

3. Фокус на индивидуальном религиозном выражении. Что действительно важно для каждого человека делать или во что верить, чтобы быть на хорошем счету с позиций религиозности? Как индивид соединяет или должен ли соединять религиозные убеждения/практику с другими аспектами жизни?

4. Чистота и аутентичность религиозной традиции и групповой идентичности. Кто на самом деле “один из нас”? Кто может авторитетно определить, какие верования и практики соответствуют религиозной традиции – в отличие от вводящих в заблуждение, чуждых или откровенно еретических? Когда человек меняет или выбирает религиозные практики, чтобы сделать их более актуальными для своей повседневной жизни, продолжает ли он исповедовать ту же религию?

5. Как религиозные практики людей соотносятся с их материальными заботами? Как эти практики решают проблемы людей – со здоровьем, с безопасностью, благополучием и процветанием? (McGuire 2008: 20–22)

Предложенные группы вопросов являются, на мой взгляд, актуальной методологической рамкой, применимой для исследования повседневной религиозной жизни и практик сельских верующих не только в исторической перспективе, но и в современности.

Настоящее исследование является попыткой ответить на часть поставленных вопросов в отношении сельских верующих в изучаемых областях Армении.

Проживаемая религия почитателей сельских сурбов

Все опрошенные мной сельские жители считают себя христианами и прихожанами ААЦ. Однако церковная часть религиозной жизни (следование канонам и обрядам ААЦ), хотя и присутствует в повседневной жизни большинства информантов в той или иной форме, но не занимает в ней ведущего места. Церковь и литургию люди посещают редко, нерегулярно, а некоторые не посещают вовсе. Взаимодействие с семейным святым, поклонение сельским святыням может полностью заменять церковные службы.

Религия, которой живут эти люди, разнообразна по представлениям и практикам. Верующие пребывают в рамках того христианства, о котором имеют понятие и важнейшей составляющей которого является взаимодействие с семейным святым на повседневном уровне. Практически ежедневно верующие молятся своему святому, обращаются к нему со своими чаяниями, зажигают свечи, регулярно совершают *матах*. Для религии, которую исповедуют эти люди, характерна привязка к локальной географии и местной социальной жизни. В первую очередь почитаются те святыни, которые находятся внутри семейного и социального пространства своего села и в его окрестностях. К примеру, информанты в с. Лусагох, владеющие тан сурбами, знают о существовании аналогичных святынь у своих од-

носельчан и могут свободно время от времени посещать их сурбы. Обязательным поводом для такого посещения служит особый сон, в котором верующие видят кого-то из членов соседской семьи, их дом или даже самого сурба-святого. Считается, что после такого сновидения следует прийти к соответствующему святому, зажечь свечу, сделать подношение.

Общинные и природные святилища посещаются при необходимости или когда сельчане оказываются поблизости от них, во втором случае следует обязательно зайти, зажечь свечу или просто помолиться. К примеру, если ты идешь или едешь по горной дороге, нужно заглянуть в Српи Цар (Дерево святого) в окрестностях с. Лусагюх для того, чтобы твой путь был безопасным. Этот общинный сурб расположен примерно в двух километрах от села на север по горному серпантину. Согласно рассказу информантки С., святилище построили в 1970-е годы. Изначально на этом месте росло большое дерево. С ним связана необычная история. Как-то раз около шести часов утра, когда доярки ехали на грузовике на верхние пастбища, они увидели на этом месте парня и девушку. Пара сидела под деревом, а трава при этом не была примята. На девушке были блестящие одежды, которые светились на солнце. Сельчане поняли, что “это было что-то святое”. Работники совхоза построили на этом месте небольшую каменную часовенку – *матур*. Деньги не собирали, каждый привозил, что мог, из этого и строили. С. – отец одного из информантов – срубил это дерево. Впоследствии С. много раз попадал в аварии, а его сын не может иметь детей. Считается, что Српи Цар (Дерево святого) оберегает водителей на горной дороге. “Кто по дороге проходит, делает матах. Если упал на машине, но ничего не случилось, жив остался, идут и делают матах. Если по другим поводам и с другими желаниями прийти к сурбу, он тоже поможет”, – рассказывает С. (ПМА 2016).

Почитаемый домашний или общинный святой одного села может быть неизвестен в соседнем. Или люди, зная, что такой сурб в соседнем селе есть, не знают его имени и не посещают его святилище. В каждой населенном пункте складывается свой круг почитаемых святынь. Для сельской религиозности характерны локализм и привязанность к местным святыням.

Обращает на себя внимание также свобода выбора: люди из всего доступного на местном уровне “набора” святых, религиозных практик и культовых обрядов сами определяют тех, кому и каким образом следует поклоняться, в какое святилище пойти, какую молитву прочесть, ограничиться зажиганием свечи или сделать предметное подношение святому и какой тип подношения использовать. Это может быть матах с раздачей жертвенного мяса или более скромный подарок святому в виде денежной купюры небольшого достоинства. По характеру предметов на алтарях святилищ видно, что в выборе подношений нет канонов или авторитетных ограничений: здесь можно увидеть и православные иконы, и католические статуэтки Иисуса Христа и Девы Марии, и изображения, связанные с католическим культом Сердца Христова, и традиционные армянские макеты и изображения церквей, и фотографии почитаемых армянских монастырей, и вполне светские предметы, такие как статуэтки лошадей, подарочные гипсовые барельефы с античными мотивами и т.д. Среди подношений много изображений и предметов, сделанных вручную самими верующими, так как считается, что самостоятельно изготовленный подарок более ценен: подсвечники, картины, макеты церквей, кресты, вышитые шушпы. Видно, что люди выбирают подношения в соответствии со своими духовными потребностями и материаль-

ными возможностями, а также со своим пониманием значения молитв, святого и взаимоотношений с ним. Убранство алтарей сурбов поражает своей эклектичностью, которая, вероятно, отражает сущность сложившейся модели религиозности сельских жителей.

Еще одной важной характеристикой сельской религиозности являются особые отношения со священным. Люди осознают различие между мирским и священным. Святые и пространство сурбов определяются ими как особые, святы, священные, с сурбами связан ряд декларируемых формальных запретов. К примеру, в помещении, где расположен сурб, не следует спать – запрет может распространяться на всех членов семьи или только на супружеские пары. Сурб часто располагается в проходной центральной комнате дома, где находится печь, и эта комната формально не является спальней. Несмотря на запреты, в ней, как и в других помещениях, стоят кровати, на которых периодически кто-то спит. Я также видела сурбы, которые располагались непосредственно в спальне хозяев дома. Люди едят, спят, принимают гостей, воспитывают детей, занимаются хозяйством – живут полноценной жизнью рядом со священным пространством или прямо в нем.

Чаще всего семейные святыни хранятся скрытыми от глаз в шкапулках, специальных ларях или чемоданчиках. Информантами декларируется запрет на то, чтобы доставать семейную святыню или прикасаться к ней кому-либо кроме хранителя. Хранителем может быть член семьи, целитель или ритуальный специалист, который взаимодействует со святым во время религиозно-магической практики. Так, к примеру, в семье информантки Э.А. в с. Кучак Апаранского р-на тан сурбом является старинная книга. Свекровь Э.А. занималась лечением испуга, лила воск. “Она страх одеждой снимала, выворачивала наизнанку одежду человека, потом обратно одевала”, – сообщает Э.А. Хранителем семейной святыни после свекрови стала Э.А. В их семье до сих пор лечат испуг с помощью воска. Этим занимаются внуки Э.А. “Лить воск могут только хозяева сурба”, – говорит информантка. Внуки в миску с водой льют расплавленную свечу, воск застывает в виде образа того, что стало причиной испуга. Затем воду перекрещивают и дают выпить человеку или выливают под цветы. Воск следует выбросить в реку, которая течет под семью дорогами и под семью мостами. В этих краях это р. Касах (ПМА 2022).

Прикасаться к святыне может также человек, на котором лежит обязанность ухода за сурбом: уборка в святилище, мытье подношений и шушп. Как правило, это незамужние и неженатые дети или внуки. Тем не менее по моей просьбе в большинстве случаев хозяева достаточно легко доставали и демонстрировали свою семейную святыню. На вопрос, могут ли они это сделать без риска навлечь на себя гнев святого или какие-либо иные проблемы, люди, как правило, отвечали, что “все в порядке” или “ничего страшного не будет”. Таким образом, налицо некоторая вольность во взаимоотношениях со священным. Границы между священным и мирским как будто размыты, нечетки, священное и мирское взаимопроникаемы. Это контрастирует с церковной концепцией священного, когда доступ к нему ограничен, оно отделено и не используется в нерелигиозных целях, к нему относятся с пиететом, благоговейно, с уважением и соблюдением определенных правил поведения и приличия.

Церковь и церковные обряды не являются для сельских верующих единственными источниками священного – сурбы создают в небольших населенных пунктах и их окрестностях множество мест, где люди могут соприкоснуться

с ним. По сообщениям информантов, в некоторых селах тан сурбы есть в большинстве домов. Церкви выделяются верующими из ряда других строений как носители священного, но не как пространства особого почитания и святости. Некоторые церкви, например уже упоминавшаяся Сурб Тух Манук в с. Лусагах, сами являются сурбами и частью локальной сети святынь.

У особо ценимых святынь есть свой день почитания. К примеру, в селе С. в частном владении находится рукописное Евангелие второй половины XVII в. — Сурб Воскезотс Аветаран (Святое Позолоченное Евангелие), особый день его почитания — в августе. В этот день книгу выносят из специально построенного для нее матура на солнце для просушки, и все желающие могут ей поклониться; обязательно совершается матах.

В особые дни могут проводиться литургические церковные ритуалы, паралитургические и нелитургические празднества. Если почитаемая святыня — освященная церковь, в этот день в ней проходит литургия, а сам день внесен епархией в местный церковный календарь (иногда в церкви это вообще единственная литургия в году). В этот день в селе обязательно проводится праздник с ритуальным жертвоприношением матахом и трапезой. После литургии и чтения соответствующих молитв священник освящает соль, которую верующие кладут животному в горло перед закланием и используют во время приготовления ритуального мяса. Церковный обычай требует обязательной раздачи ритуального мяса: в 40 домов (если это бычок), в семь домов (ягненок) или в три дома (петух). Верующие организуют ярмарку вблизи церкви и устраивают что-то вроде пикника с весельем, музыкой, часто с вином, угощая жертвенным мясом всех желающих. В этом однодневном праздновании только литургия является официальным церковным ритуалом, все остальное — часть местной традиции.

В своих рассказах информанты, характеризуя ту или иную святыню, часто упоминают о “силе” сурба, а об особо почитаемых сурбах говорят, что они *зорavor* — “сильный”. К примеру, Сурб Ованнес в Лорийской области — общеармянская святыня — очень “сильный” сурб. “Сила сурба” для верующих — это божественная сила, которой обладают святыни. Она коррелирует с их способностью исполнять просьбы и заветные желания — *мураз*. Такие представления имеют явное сходство с распространенными среди мирян западноевропейского позднего Средневековья представлениями о священной силе (McGuire 2008: 19). Как и в те времена, современные сельские верующие выполняют ритуальные практики — молятся, зажигают свечи, совершают матах — для того, чтобы применить эту божественную силу к своим повседневным нуждам и заботам. Божественная сила имеет для них практическую ценность, а неотделенность, рассеянность священного в обыденной жизни облегчает доступ к этой силе.

Большая часть религиозных сельских практик посвящена именно тому, чтобы войти в контакт с сурбом и использовать его силу для своих нужд. Одной из наиболее популярных религиозных традиций, благодаря которым верующие получают доступ к священному пространству и божественной силе, являются паломничества к семейным и общинным святым. К примеру, для исцеления от болезни человеку следует совершить обетное паломничество и посетить одно или несколько святилищ, иногда в определенном порядке, совершить матах, раздать жертвенное мясо, сделать подношения для каждого святого. Целая община может вступать в своего рода взаимное обязательство с сурбом-святым, которого считает своим

покровителем. Так, в селе С. совершается процессия со святой книгой Сурбом Воскезотс Аветаран и матах для прекращения засухи и вызывания дождя.

Более распространен личный обет верующего. К примеру, после исцеления или исполнения желания верующий обязуется изготовить и установить хачкар для сурба-святого, как в случае с Сурбом Ованнесом в Лорийском марзе – общеармянским паломническим центром, расположенным на горе Джгнавор близ с. Артагох, на высоте 2157 м. Существует множество историй о чудодейственной силе этого святого, об исцеленных пациентах и забеременевших женщинах, об исполненных желаниях и достигнутых целях. Местные жители уверяют, что, если с верой посетить сурб и обратиться к нему с просьбой, желания обязательно сбудутся. Паломники дают обет сурбу, обещая в благодарность за помощь изготовить и установить для него хачкар. Все небольшое пространство на вершине горы уставлено хачкарами различных форм, цветов и размеров. На многих хачкарах значится имя дарителя. Подобные практики представляют собой сложный процесс дарения и взаимных обязательств между людьми и семейным/общинным святым.

Инициаторами создания святилищ, как правило, выступают сами сурбы-святыые – они требуют этого, являясь верующим в снах. Поддержанием же святилища на повседневном уровне и созданием алтаря (и в общинном, и в семейном святилище обязательно есть алтарь) занимаются люди. При этом верующие проявляют свои творческие способности, самовыражаясь в обустройстве священного пространства. Здесь можно видеть кресты, свечи, шушпы, образы Девы Марии и Иисуса Христа, изображения самого сурба-святого, монастырей и церквей, молитвословы – все это, как правило, подношения “святому дому”. Здесь же зачастую размещают фотографии живых и умерших родственников, сосуды со святой водой и т.д. Верующие сами выбирают, что и как будет расположено на алтаре, расставляют приоритеты – выбор определяется личными потребностями и потребностями своей семьи. К примеру, в центральной части могут стоять подношения проходящего срочную службу или заболевшего родственника. Верующим важно, чтобы то, что более всего нуждается в защите и исцелении, находилось как можно ближе к источнику божественной силы. С этим также связана традиция подписывать свои подношения или писать свое имя на стенах общинных святилищ. Присутствие имени дарителя в священном пространстве, очевидно, создает между верующим и святым более прочную связь, своего рода канал передачи божественной силы. Алтари отражают чувство личной связи со святыми и домом, позволяют ощущать непосредственный контакт с божественной силой.

Церковь проводит четкую теологическую границу между религиозным и магическим ритуалом и устанавливает контроль над сферой чудесного. У сельских верующих по большей части такой границы не существует. Сила сурба может передаваться туда, куда необходимо для защиты родных. К примеру, отправляясь на службу в армию, принято брать что-либо с алтаря сурба. Даже небольшой кусочек ткани шушпы, прикасавшейся к сурбу, если носить его на теле, способен защитить человека. Шушпа вбирает в себя священную силу сурба и передает ее верующему, защищая от смертельной опасности. Если человек берет что-либо с алтаря сурба, он должен впоследствии сделать сурбу-святому ответное подношение. С точки зрения священнослужителей, эти представления являются иррациональными суевериями (ПМА 2021).

В случае болезни верующие используют все возможные источники исцеления. Даже “продвинутые” информанты обращаются к молитве и к семейному святому, а вполне образованные люди очень часто советуют читать “Книгу скорбных песнопений” Григора Нарекаци — вера в исцеляющую силу этих молитв в сознании верующих велика. Если болезнь серьезная, люди, вероятней всего, воспользуются помощью как современной медицины, так и священной силы при посредничестве своего или общинного святого, поскольку, с их точки зрения, оба этих способа “работают” и дополняют, а не взаимоисключают друг друга — вместе они более эффективны, чем каждый по отдельности. Такой подход представляется вполне рациональным и прагматическим.

Взаимодействуя с сурбами, верующие испытывают влияние чудес, которые воспринимаются как реальные, время от времени случающиеся в их жизни. Чудесным образом спасается близкий человек от увечья/смерти в страшной аварии или младенец во время игры с электрической розеткой. Такие истории мне приходилось слышать очень часто, и каждый раз верующие благодарили за чудо спасения свой семейный или общинный сурб. Благодаря сурбу-святому божественная сила прорывает ткань обыденности и творит чудо в материальной жизни этих людей: исцеляет близких, спасает урожай, защищает от опасности.

Источником силы сурба, по мнению информантов, является Бог. Молитвы, которые читаются в сурбе, — это общехристианские молитвы, к примеру “Отче Наш”. Однако помощи при этом верующие просят у конкретного святого-сурба, ему они приносят обеты и совершают матах. Сельчане верят, что по их просьбам святые-сурбы, обладающие священной силой, могут направлять ее, куда необходимо, и для этого не нужно посредничество священников и церкви.

Интересно, что в представлениях верующих священная сила сурбов не может наказывать. Святые не являются злонамеренными и не могут причинять вред. Вред может быть нанесен в случае невыполнения человеком того, что требует от него сурб-святой, т.е. не вследствие направленного действия сурба, а вследствие ослабления защиты из-за неправильных действий самого верующего.

Главным для верующих является вопрос, как добиться защиты и поддержки святого. Люди заключают что-то типа контракта со своими святыми. Сурб-святой является человеку во сне и может потребовать совершения какого-либо действия: подновить или заново отстроить часовенку-матур, где происходит почитание святого, или же “найти” в определенном месте сурба-святого. К примеру, святой указывает, где откопать святыню, или требует, чтобы верующий принес с разрушенной церкви кусок хачкара, который и является сурбом-святым, и обустроил для него святилище. Такова история обретения Сурба Мариам Аствацин (Святая Мария Богородица) в с. Кучак Апаранского р-на. В домашнем святилище Мариам Аствацин находится часть хачкара. Этот хачкар принадлежит одновременно домам информантки Т.Е. и ее соседей, его нашли в земле, когда разрушали старые постройки. О том, где искать святого, по словам информантки, узнали из сна. Хачкар и святилище находятся на территории соседнего домовладения, в помещении хлева. Раньше у двух домов был общий двор. Сейчас соседи Т.Е. живут в России. Информантка и ее родные заходят в этот сурб время от времени, а молодая девушка из их семьи убирает там. В сурб приносят подарки, шушпы, а другие люди, по словам Т.Е., приходят и прикасаются к ним. «Например, если что-то болит, то прикасаются, говоря: “Боже, дай мне здоро-

вья”», – рассказывает Т.Е. Иногда приезжают из других мест, спрашивают, есть ли здесь сурб, зажигают свечи, приносят в жертву петуха (ПМА 2022).

Распространен среди сельчан нарратив, повествующий о том, что по указанию святого, полученному в сновидении, верующий должен найти спрятанную предками книгу, почитаемую как священную. Во времена гонений и запрета религии в 1930-е годы люди прятали своих святых: книги, кресты, литургические предметы и т.п. В том случае, когда знание о том, где спрятан святой, утрачено, святые оказывают помощь, указывая место посредством откровения во сне.

Если сурб является во сне, но ничего не просит, это указание на то, что верующий должен посетить этого святого и сделать ему подношение. При невыполнении указания человека ждет несчастье (поэтому люди дают обеты и выполняют “задания” святых), при выполнении – награда в виде удачи и везения. Для установления еще более прочной связи со святым следует посетить святилище и взять с алтаря кусочек шушпы или какой-либо предмет. Считается, что в этом случае святой чаще является в снах и лучше защищает верующего.

И в прежние времена, и сейчас сурбы – это источник целительской силы для ритуальных специалистов. Знание эффективных обрядовых действий высоко ценится и способствует повышению престижа людей, владеющих им. Целители, гадалки, повитухи, как правило, пользуются уважением, их могут побаиваться. Социальный статус таких специалистов напрямую зависит от их прочной связи с сурбом-святым.

Хотелось бы остановиться отдельно на телесности проживаемой религии почитателей сельских сурбов: на воплощенности религиозных переживаний в теле. Обращает на себя внимание важность физического контакта со святыней. Особенно ярко это проявляется во время выноса святынь для почитания на ежегодных праздниках, в том числе некоторых книг, хранящихся в Матенадаране. Примером такой книги служит Евангелие из Шуришкана, одно из армянских чудотворных евангелий, которым на протяжении веков приписывались защитные свойства. Около трех с половиной веков рукопись хранилась в с. Шуришкан в иранской провинции Перия и была семейным святым, затем она была перевезена в Армению и передана в дар Матенадарану владельцем. В настоящее время книга выставлена в специальной нише в одном из его залов. Ежегодно в первое воскресенье после Пасхи “Шуришканское Евангелие” выносят из Матенадарана и отвозят в церковь Святого Геворга в с. Мугни Аштаракского р-на, где при участии паломников проводится литургия. В этот день посетить церковь и поклониться чудотворной книге может любой желающий. Верующие стремятся прикоснуться к святыне если не телом, то шушпами, которые они привозят с собой. После прикосновения шушпы принято носить на теле, а кусочки шушп передают тем, кто не мог присутствовать на церемонии поклонения святыне, например больным родственникам. Таким образом, шушпы являются проводниками божественной силы святого-сурба, а тела – отличными приемниками. Считается важным в трудных жизненных обстоятельствах иметь на теле шушпу или предмет, ассоциированный с сурбом-святым, для того чтобы священная сила беспрепятственно связывалась с телом человека и оказывала на него благотворное воздействие, например защиту или исцеление. Лишь в ситуации прямого физического контакта воздействие силы священного считается полноценным. Домашние сурбы обеспечивают такой контакт практически в любое время по мере жизненной необходимости и гораздо свободней, чем церковь.

Посредством таких воплощенных практик подтверждается реальная, а не только символическая значимость ритуального акта. Через телесный контакт или прикосновение материального посредника осуществляется акт веры в тонком телесном регистре. Телесное участие делает божественную силу ощутимо присутствующей. Благодаря ему, люди сталкиваются с религиозным значением не только как с мыслью, но и как с ощущением или как с переживанием духовного в своих телах и эмоциях. Еще одной такой воплощенной практикой является совместная трапеза после матаха. Верующим важно разделить пищу, а не просто раздать жертвенное мясо в определенное количество домов, как того требуют церковные предписания. Трапеза создает эмпирическое переживание общности семьи и общины верующих, чувство взаимосвязанности, общего духовного поля.

Священники и церковь не признают сельские сурбы каналами божественной силы и стремятся по возможности искоренить подобные верования, смещая акценты с практик на веру и когнитивные аспекты религии и духовности. Религиозные практики, используемые людьми для решения своих повседневных материальных проблем и проблем своей общины, определяются в лучшем случае как маргинальные и неэффективные или как вредные, греховные и даже наказуемые. Священники увещевают верующих, призывая принести и “сдать” в церковь все, что расположено на алтарях и подарено сурбам-святым, а также книги, признаваемые святыми; если в доме нет сурба, но на стене висят изображения на религиозную тему, нужно отнести в церковь и их. С разной степенью непримиримости священнослужители относятся к вернакулярным практикам сельчан и, как правило, рассматривают их как искажения истинного апостольского христианства, а практикующих их — как язычников и стремятся ослабить “народные” культы (ПМА 2015, 2021).

* * *

Для проживаемой религии почитателей сельских сурбов в Армении характерны особые отношения со священным и с божественной силой домашних и общинных святых. Люди воспринимают силу сурба-святого как фактически существующую и испытывают на себе ее действие каждый день. Божественная сила в данном случае является не вопросом веры, а живой реальностью в повседневности этих людей. А ритуальные действия в святилищах рассматриваются ими как эффективный способ удовлетворения определенных потребностей и решение некоторых задач. С точки зрения верующих, не только церковные обряды, но и ритуальные практики в сурбах обладают реальной физической и духовной эффективностью. Некоторые церковные обряды, такие, к примеру, как благословение соли для матаха, вероятно, подкрепляют эти убеждения.

Священное для сельских верующих не отделено от профанного, они взаимопроницаемы в пространстве дома и села. Священное как бы наложено на местный ландшафт, оно, как горная порода, проступающая сквозь почву, и верующему надо лишь знать места выхода этой породы. При посредничестве сурбов-святых люди находят проявления священного внутри своих профанных ландшафтов. Таким образом, верующие удостоверяются, что нет четкой границы между священным и мирским. И монополия церкви на священное попирается.

Несмотря на индивидуальный и семейный характер почитания сельских сурбов, есть черты поклонения святым, которые говорят нам о существовании

прочной традиции. Пространство сурбов-святилищ, заполненное похожими вотивными дарами, создает типическое пространство разворачивания религиозного опыта, формирует у верующих через использование одинаковых практик чувства общности, способствует социальной сплоченности, усиливает групповую идентичность. Использование схожих, а зачастую одних и тех же образов, а также молитв и практик, усвоенных годами повторений, приводит к тому, что у людей появляется ощущение причастности к общей коллективной реальности, единой общеармянской традиции. Верующие чувствуют связь друг с другом, с расширенным сообществом родственников, с семьей и родом, и эта вневременная связь материализуется в сурбе, в социальной практике молитвы, обращенной к святыне, и в матахе. Семейная святыня калибрует чувства и эмоции, формирует социальную сеть, связанную общими практиками и представлениями, становится не только религиозным, но и социальным медиатором.

Почитание сельских сурбов — это вернакулярная религиозная традиция; она не фиксирована и не детерминирована. Люди могут создавать новые практики, адаптировать старые или “забывать” те, которые больше не имеют значения или неудобны. Это устная традиция, в которой верующие достаточно свободны в своем религиозном проявлении.

Примечания

¹ Совокупный показатель позиций “несколько раз в день”, “раз в день” и “несколько раз в неделю” (WVS 2017–2022: 55).

² О введении в научный оборот понятия сурб и его использовании в этнографической литературе см.: Багдасарян 2015.

³ *Хачкар* (арм.) — “крест-камень”, резная каменная стела мемориального или культового назначения.

⁴ *Tan surb* (арм.). В своем исследовании я использую буквальный перевод, так как, по моему мнению, он точнее передает смысл описываемого явления, чем, к примеру, такие аналоги, как “домашний святой” или “домашнее святилище”.

⁵ *Шушта* (арм.) — вышитый плат, на который кладется Евангелие во время литургии. Шушпами в селах называют любые матерчатые вотивные подношения: обетные платы, покровцы, лоскуты, ленты, вышитые конверты и т.п. Шушпы считаются священными.

⁶ Св. Григор Нарекаци (ок. 951–1003) — армянский поэт, философ, богослов, представитель раннеармянского Возрождения. Католической церковью св. Григор Нарекаци почитается как один из 36 Учителей Церкви. Наиболее известное произведение, созданное им незадолго до смерти — гимнарий “Книга скорбных песнопений”. Существует поверье, что эти гимны, исполненные глубокой веры, обладают исцеляющей силой, потому зачитывание отдельных фрагментов текста до сих пор является распространенной целительской практикой.

⁷ *Матур* (арм.) — часовня.

⁸ *Тонратун* (арм.) — специальное помещение для выпечки хлеба, в котором расположена печь *тонир*.

⁹ *Марз* (арм.) — административно-территориальная единица Республики Армения.

¹⁰ Истоки концепции лежат в “философии действий” П. Бурдьё и “теории повседневности” М. де Серто (Бурдьё 2001; Серто 2013). Концептуализацию понятия “практики” П. Бурдьё можно считать одной из важных теоретических основ данного исследовательского подхода.

¹¹ *Матах* (арм.) — пожертвование, жертвенная благотворительная трапеза, жертвоприношение с последующей раздачей жертвенного мяса.

¹² На вопрос, как выглядит сурб-святой во сне, информанты чаще всего отвечают, что “слышат голос сурба”. Некоторые сообщали, что сурб являлся им в образе пожилого седовлавого мужчины (ПМА 2016, 2018).

¹³ Сурбом является уникальное рукописное бумажное с цветными миниатюрами Евангелие размером 22,5 на 17 см. Для определения даты и места создания манускрипта я обратилась в Отдел рукописей Матенадарана. По сохранившемуся колофону Давид Казарян определил,

что писцом является Карапет Йеретс, а миниатюристом Сагхак Ванеци. Книга создана в последней трети XVII в. В собрании Матенадарана числится девять книг этого миниатюриста (*Геворкян* 1998: 634–635). В альбоме “Манускрипты – святыя дома”, изданном Институтом археологии и этнографии Республики Армении, приведено именно это Евангелие под номером HSM 8, оно датируется XVI в., что, вероятно, является ошибкой, так как Сагхак Ванеци жил и работал в XVII в. (*Simonyan et al.* 2022: 143–170; *Геворкян* 1998: 634–635). Миниатюры в манускрипте крупные и красочные: Распятие, Положение во Гроб, Сошествие в ад, Воскресение, Сошествие Святого Духа, Пятидесятница, Второе Пришествие, портреты четырех евангелистов. Крест на миниатюре Второго Пришествия по-своему уникален, благодаря некоторым деталям: по углам Креста помещены четыре трубящих ангела; в центре Креста – Христос в круге; ниже, рядом с изображением церквей, можно увидеть мертвых, выходящих из гробов. Все миниатюры помещены перед текстом Евангелий.

¹⁴ Гора Джгнavor – одна из вершин Памбакского хребта.

¹⁵ Матенадаран – Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца, Ереван.

¹⁶ Перия – армянское название Фаридана, ныне шахрестан Фаридан в составе провинции Исфahan в Иране.

¹⁷ Подробней о практике выноса почитаемых евангелий см.: *Siekierski* 2021.

Источники и материалы

ПМА 2015 – Полевые материалы автора. Интервью со священниками Армянской апостольской церкви.

ПМА 2016 – Полевые материалы автора, собранные в Апаранском р-не в июле–августе 2016 г.

ПМА 2018 – Полевые материалы автора, собранные в Апаранском р-не в июле–августе 2018 г.

ПМА 2021 – Полевые материалы автора. Интервью со священником Армянской апостольской церкви в Москве.

ПМА 2022 – Полевые материалы автора, собранные в Апаранском р-не, в Гехаркуникском, Лорийском марзах в октябре–ноябре 2022 г.

Simonyan et al. 2022 – *Simonyan L., Hovhannysyan K., Hakobyan H.* Home Saints Manuscripts. Album. Yerevan: Institute of Archeology and Ethnography of NAS RA, 2022 (на арм. яз.).

WVS 2017–2022 – World Values Survey (2017–2022), Wave 7. Armenia. <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

Научная литература

Багдасарян А.А. Почитание святых мест у армян Нагорного Карабаха в конце XX – начале XXI в. // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 60–77.

Бурдые П. Практический смысл / Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.

Геворкян А. Армянские миниатюристы. Библиография IX–XIX вв. Ереван: Матенадаран, 1998 (на арм. яз.).

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.

Ammerman N.T. Introduction: Observing Modern Religious Lives // *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives* / Ed. N.T. Ammerman. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 3–18.

Ammerman N.T. Studying Lived Religion: Contexts and Practices. N.Y.: NYU Press, 2021.

- Asad T.* Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993.
- Hall D.D.* (ed.) Lived Religion in America: Towards a History of Practice. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- McGuire M.B.* Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Morgan D.* The Material Culture of Lived Religion: Visuality and Embodiment // Mind and Matter: Selected Papers of Nordic Conference / Ed. J. Vakkari. L.: Phil-Papers, 2009. P. 14–31.
- Orsi R.A.* The Madonna of the 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950. New Haven: Yale University Press, 1985.
- Orsi R.A.* Introduction to the Second Edition // The Madonna of the 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950 / Ed. R.A. Orsi. New Haven: Yale University Press, 2010. P. ix–xxxviii.
- Siekierski K.* Gospel Books as Sacred Objects: The Veneration of Religious Manuscripts in Armenian Christianity // Inspiration of God: The One-and-a-Half Millenia of the Armenian Bible and Religious Practice / Eds. B. Kovács, V. Tachjian. Budapest; Leipzig: L'Harmattan; Leipziger Universitätsverlag, 2021. P. 68–75.

Research Article

Kryukova, N.V. Lived Religion of the Devotees of Rural Surbs in Armenia [Prozhivaemaia religiia pochitatelei sel'skikh surbov v Armenii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 1, pp. 77–92. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010041> EDN: YHBSLL ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Natalia Kryukova | <http://orcid.org/0000-0001-5247-1822> | nkryu@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

living religion, surb, tan surb, Armenia, rural, sanctuary, shrine, vernacular, popular, Christianity

Abstract

The article analyses the beliefs and practices of rural surb worshippers in Armenia on the basis of lived religion approaches. Surb means “holy”, “sacred”, “divine”. It is a saint and a place of veneration. A surb can be a book, a khachkar, a church, a tree, an image, etc. – any revered object. The everyday religion of believers is a special relationship with the sacred and the divine power of the saints. People accept the power of the surb as real and experience its effects every day. Ritual practices in the surbahs are seen as a way of influencing the divine power to meet certain needs and perform certain tasks. Ritual practices in surbs have real physical and spiritual efficacy for the worshippers. Also important is physical contact with the shrine. The representations and practices of devotees of rural shrines are not approved by the Armenian Apostolic Church. In Armenia there is a vernacular tradition successfully operating in parallel to the official and canonical tradition.

References

- Ammerman, N.T. 2007. Introduction: Observing Modern Religious Lives. In *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*, edited by N.T. Ammerman, 3–18. Oxford: Oxford University Press.
- Ammerman, N.T. 2021. *Studying Lived Religion: Contexts and Practices*. New York:

NYU Press.

- Asad, T. 1993. *Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Bagdasarian, A.A. 2015. Pochitaniiie sviatykh mest u armian Nagornogo Karabakha v kontse XX – nachale XXI vv. [Worshipping Sacred Sites among the Nagorno-Karabakh Armenians in the Late 20th – Early 21st Centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 60–77.
- Bourdieu, P. 2001. *Prakticheskii smysl* [Practical Sense]. St. Petersburg: Aleteiia.
- Gevorkian, A. 1998. *Armianskiiye miniaturisty. Bibliografiya IX–XIX vv.* [Armenian Miniaturists: Bibliography of the 9th – 19th Centuries]. Yerevan: Matenadaran.
- Hall, D.D., ed. 1997. *Lived Religion in America: Towards a History of Practice*. Princeton: Princeton University Press.
- McGuire, M.B. 2008. *Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life*. Oxford: Oxford University Press.
- Morgan, D. 2009. The Material Culture of Lived Religion: Visuality and Embodiment. In *Mind and Matter: Selected Papers of Nordic Conference*, edited by J. Vakkari, 14–31. London: Phil-Papers.
- Orsi, R.A. 1985. *The Madonna of the 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950*. New Haven: Yale University Press.
- Orsi, R.A. 2010. Introduction to the Second Edition. In *The Madonna of the 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950*, edited by R.A. Orsi, ix–xxxviii. New Haven: Yale University Press.
- Serto, M. de. 2013. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat'* [The Invention of Everyday Life: 1, The Art of Making]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Siekierski, K. 2021. Gospel Books as Sacred Objects: The Veneration of Religious Manuscripts in Armenian Christianity. In *Inspiration of God: The One-and-a-Half Millennia of the Armenian Bible and Religious Practice*, edited by B. Kovács and V. Tachjian, 68–75. Budapest; Leipzig: L'Harmattan; Leipziger Unversitatsverlag.